

АРХЕТИПИЧЕСКИЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ СПИРИТУАЛЬНОСТИ

Короленко Ц.П.¹, Дмитриева Н.В.²

¹ Короленко Цезарь Петрович

доктор медицинских наук, профессор, профессор кафедры психиатрии, наркологии и психотерапии; федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Новосибирский государственный медицинский университет» Министерства здравоохранения Российской Федерации, Красный пр., 52, Новосибирск, 630091, Россия. Тел.: 8 (383) 222-32-04;

член-корреспондент СО РАН высшей школы, заслуженный деятель науки, действительный член Нью-Йоркской Академии Наук, член секции транскультуральной психиатрии Всемирной Психиатрической Ассоциации.

E-mail: lengyel34@mail.ru

² Дмитриева Наталья Витальевна

доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры психотерапии; частное образовательное учреждение высшего образования «Восточно-Европейский Институт психоанализа», Большой проспект ПС, 18А, Санкт-Петербург, 197198, Россия. Тел.: 8 (812) 235-11-39;

профессор кафедры педагогики и психологии девиантного поведения; Санкт-Петербургское государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный институт психологии и социальной работы», 12-я линия Васильевского острова, д. 13, литера А, Санкт-Петербург, 199178, Россия. Тел.: 8 (812) 321-96-16;

ректор; автономная некоммерческая организация дополнительного профессионального образования «Новосибирский институт клинической психологии», ул. Писарева, 4, Новосибирск, 630091, Россия. Тел.: 8 (383) 291-55-27.

E-mail: dnv2@mail.ru

Аннотация

Архетипы считаются корнями духовности. Их энергетическое влияние на психику человека имеет инстинктивное происхождение и приводит к развитию психических состояний, которые могут быть поняты и определены в рамках концепции идеализирующего переноса, связанного с одной из трех фундаментальных потребностей (по Х. Кохуту, это определяется как самостно-объектный перенос), необходимых для формирования целостного твердого самосознания. Идеализирующий перенос выражается в необходимости быть связанным с большей, идеальной реальностью, с необходимостью испытать слияние с добротой, силой и спокойствием. Идеализирующий перенос никогда не исчезает и длится всю жизнь с момента рождения до момента смерти. В этой статье выделены сходства и различия духовности и религии. Религия порождается осознанием сверхъестественного вместе с выражением этого осознания в концептуальных, культурных и социальных формах. Религия — это общая система веры (догма) и общинная ритуальная практика (литургия). Духовность же, по Д. Беренсону, означает прямое, личное переживание священного, произошедшее без посредничества системы веры, предписанной догмой или иерархическими структурами священников, служителей, раввинов или гуру. Д.А. Андерсон подчеркивает, что духовность — это поиск смысла и способности человека переживать и соотноситься с масштабом силы и значимости, выходящими за пределы мира сенсорной реальности. Наконец, позиция Д.Г. Беннера определяется тем, что не всякая духовность является религиозной, и не всякая религиозная духовность является христианской.

Таким образом, все люди являются духовными существами и имеют архетипические источники духовности.

Ключевые слова: спиритуальность; духовность; религиозность; архетипические источники духовности.

УДК 159.9:304.2

Библиографическая ссылка

Короленко Ц.П., Дмитриева Н.В. Архетипические детерминанты спиритуальности // Медицинская психология в России. – 2018. – Т. 10, № 3. – С. 3. doi: 10.24411/2219-8245-2018-13030

Поступила в редакцию: 21.03.2018   Прошла рецензирование: 29.05.2018   Опубликована: 04.07.2018

Архетипы считаются корнями духовности. Их энергетическое влияние на психику человека имеет инстинктивное происхождение и приводит к развитию психических состояний, которые могут быть поняты и определены в рамках концепции идеализирующего переноса, связанного с одной из трех фундаментальных потребностей (самостно-объектный перенос по Н. Kohut [16]), необходимых для формирования целостного твердого самосознания.

Со своей стороны, религия порождается осознанием сверхъестественного вместе с выражением этого осознания в концептуальных, культурных и социальных формах. Религия — это общая система веры (догма) и общинная ритуальная практика (литургия).

Духовность означает прямое, личное переживание священного, произошедшее без посредничества системы веры, предписанной догмой или иерархическими структурами священников, служителей, раввинов или гуру (D. Berenson [5]). Духовность — это поиск смысла и «способности человека переживать и соотноситься с масштабом силы и значимости, выходящими за пределы мира сенсорной реальности» (D.A. Anderson [3]). «Не всякая духовность является религиозной, и не всякая религиозная духовность является христианской» (D.G. Benner [4]). Все люди являются духовными существами и имеют архетипические источники духовности.

Центральной темой последних лет жизни Юнга была религия. Живя в Цюрихе и занимаясь частной практикой, он много писал («Ответ Иову», «Аион» и др.). Юнг считал, что существует прямая связь между архетипами, религией и спиритуальностью (духовностью).

В современной литературе (Goswami A., 1950; Mc Taggart, 2001) появились работы, авторы которых пытаются найти гипотетические параллели между архетипной концепцией Юнга и квантовой теорией (Quantum Reality (zero-point theory), [7]).

Согласно гипотезе квантового физика Amit Goswami, «Квантовый объект (например, электрон) может быть в одно и то же время в нескольких местах (свойство волны). Нельзя утверждать, что квантовый объект проявляется в обычной пространственно-временной реальности, до тех пор, пока мы не наблюдаем его как частицу (коллапс волны). Проявления одного квантового объекта в момент наблюдения за ним одновременно влияют на коррелируемый с ним двойниковый объект (квантум-действие на расстоянии)» [Там же. С. 21]. Автор предположил, что, если квантовые частицы, однажды соединенные, продолжают влиять друг на друга постоянно, независимо от места их нахождения, то концепциями, описывающими время и пространство, становятся «резонанс», «когерентность», «настроенность». Законы кванта могут быть расширены и использованы для изучения сознания человека. «Сознание может быть квантовым по природе. Оно способно функционировать как волна и частица и создавать из возможности материальную реальность» [Там же. С. 19].

Jahn (2001) из PEAR (Princeton Engineering Anomalies Laboratory) на основании компьютерных исследований, генерирующих редкие события, делает вывод, что квантум-сознание связано с суперизлучением, при котором сознание распыливается в среду и создает материальные эффекты. Максимально высокую активность этого креативного сознания определяет связь с архетипами или с религиозным воображением» [Цит. по: 17].

Клиническая практика Юнга позволила выявить влияние спиритуальности (духовности) на живой характер бессознательного. Деформированная и больная спиритуальность вызывает проблемы, вызванные активизацией бессознательного. Юнг сравнивал активность религиозного импульса с функционированием инстинктов. Если выход для энергии инстинкта закрыт, она выходит через другой канал. То же самое происходит со спиритуальностью.

«Лежащий в основе религиозной идеи архетип имеет, как и всякий инстинкт, свою специфическую энергию, которая не исчезает даже тогда, когда сознательный разум ее игнорирует. Каждый желающий утратить веру может потерять ее под влиянием находящейся рядом другой идеи».

Светскость имеет парадоксальный эффект. Она делает нас еще более спиритуальными. Человеку свойственна внутренняя потребность в поиске значений и смысла. Избежав контакта с одной формой религиозного импульса, мы тут же начинаем искать нечто, его заменяющее. Разум светского человека, размышляя о религии, представляет ее в устаревших формах, но, поскольку религия выражает вечно живущую реальность, анализ ее старых форм приводит к рождению новых ее проявлений. Можно сбросить «оковы» религии и дискредитировать ее догмы, но такие соображения отделяют нас от души, которая, одержав верх над «рациональной» дискредитацией, настоятельно потребует чего-то большего. Мы все религиозны (*homo religiosum*), и этот факт отрицать нельзя; нам необходима или религиозная ориентация, или заменяющий ее конструкт.

Обнаружив у своих пациентов сопротивление к религии, Юнг заявлял, что их религиозный импульс не исчез, а изменил локализацию. Тот, кто борется с самим собой, со своими внутренними силами, замечает, что дух перемещается из храмов в психологические переживания. Коллапс традиции приводит к приватизации религии, ее интернализации и определенной реорганизации.

Постсовременное общество настолько радикально отчуждает нас от традиционных спиритуальных форм и практик, что в психике возникает компенсаторное стремление к Святому. Если что-то важное девальвируется и погибает в сознательной жизни, то, согласно существующему закону (природа не терпит пустоты), в бессознании возникает компенсаторный конструкт. Эта компенсация активизирует спиритуальные стремления и то, что в одном случае безмолвствует, в другом выходит на сцену, аффективно заряжая мысли и поведение.

Существует два источника света: снаружи и внутри нас. Если ослабевает внешний источник и становится темно, внутренний начинает светить интенсивнее. Если Бог вне тебя и на Небесах или Ему поклоняются в храмах, если вера ослабевает или отсутствует, Бог внутри становится сильнее. По этому поводу Юнг писал: «Когда все видимые огни потухли, индивидуум находит свет Сэлфа». Когда религия отсутствует, внутренний мир освещается духом, потому что продуцирующий жизнь источник света находится в глубине бессознания. Этот источник внутреннего света ведет многих из нас к поискам смысла жизни. Это означает, что, если институционально воспринимаемая религия слабеет, она становится более сильной психологически.

До недавнего времени религия существовала как культуральный конструкт, созданный традицией. В современном мире она становится экзистенциальной потребностью, движимой желанием. Большая часть спиритуальной активности носит личный, достигающий уровня идиосинкразии характер. Некоторые люди с интересом коллекционируют и исследуют собственные наборы символов, многие из которых заимствованы из тех религиозных систем, с которыми они не согласны. Они исследуют традиции в надежде найти ресурсы для личного развития. При этом могут возникать полярные ситуации, разделяющие мир надвое: интерес к спиритуальности растет с такой же силой, как и отрицание религии; формально интенсивность отношений со Святым снижается, а неформально — усиливается.

Реализация тезиса Юнга о том, что «дух становится природой», вызывает нарушения психики в связи с тем, что два полюса архетипных переживаний — дух и природа — сливаются, создавая тем самым неестественную ситуацию. Нарушается необходимая полярность между духом и природой. Психика функционирует лучше, когда в отношениях духа и природы существует динамическое напряжение, когда мы живем между духом и материей. Если они сливаются друг с другом, инстинкты и высшие потребности смешиваются, и мы не способны их разделить. Так, например, становится невозможным отличить святое желание соединиться с Богом от плотских желаний. Последние подавляют духовные желания. Святое профанируется телесным, желания которого мешают реализации спиритуальных потребностей.

Нормальное течение жизни обеспечивается движением между духом и природой. Для достижения психического баланса и интеграции дух и материя, с одной стороны, должны быть связаны, а с другой — сохранять различные энергии и различные цели. Единство не достигается посредством вливания одной половины архетипного поля в другое. Мир становится плоским и мрачным, когда дух не способен выразить свои стремления. Поскольку дух является архетипной силой неподвластного источника, он борется за право быть реализованным, но путями, создающими хаос. Человек, не воспринимающий свой дух, чувствует себя крайне негативно.

Страдание духа заставляет человека исследовать свою внутреннюю жизнь, осознавать свое бессознание, учиться использовать скрытые в нем ресурсы. То, чего не могут дать культура, общество или формальная религия, человек получает в результате индивидуального поиска, даже при условии сопротивления внешних обстоятельств. В таких случаях используется аналитическая терапия Юнга, направленная на возвращение спиритуальности, которую не может дать культура.

Если коллективная религия сливается с социальными требованиями, психический хаос в бессознательном прекращается найденной религиозной ориентацией. Неважно, какие текущие социальные установки доминируют и предписываются, и, в противоположность нашей светскости и прагматическому материализму, внутренняя спиритуальность напоминает о себе, даже если душа объявляется несуществующей или не вписывающейся в потребности сегодняшнего дня. Требования духа присутствуют в содержании конфликта между сознанием и бессознанием, что разрушает нашу жизнь изнутри и приводит к психическим расстройствам, особенно у психологически сенситивных лиц, лишая их спиритуальной глубины. Такая психодинамика, к сожалению, характерна для современной и постсовременной культуры.

Игнорируемые культурой архетипы находят частичное выражение в абстрактных произведениях искусства, которые агрессивно запрещаются в некоторых обществах, испытывающих страх перед внутренними проблемами и не желающими даже прикоснуться к их распознаванию. Блокированные искусственно архетипы могут становиться разрушающе активными и, вместо того чтобы выражать лучшее и возвышенное, превращаются во враждебные первичные силы, приводя к варварству и тяжелейшим преступлениям против человечества.

Юнг чувствовал, что слияние нашей религиозной системы и повседневной жизни может иметь катастрофические последствия для психического и физического здоровья отдельных индивидуумов и общества в целом. В работе «Психотерапевты или Священнослужители» он писал: «Мне кажется, что отрицание религиозной жизни приводит к росту количества неврозов. Не вызывает сомнений, что мы живем в период величайшего беспокойства, нервного напряжения, спутанности и дезориентированности взглядов».

Сломанные символы Святого замещаются не вакуумом, а психическим расстройством. Святые силы, не поддерживаемые культурой, находят выражение в симптомах болезни и комплексах. Архетипные боги остаются внутри нас, и энергии Святого составляют наше существование. Мы живем с ними как с вдохновляющими силами, ведущими к трансформации, или сопротивляемся им, и тогда они превращаются в психологические факторы, которые подрывают и разрушают нас. Юнг говорил о Божественном как о возмущенном первичном динамизме, способном облитерировать (закупорить) сознание. В патриархальном социальном обществе психика рассматривалась им как изнасилованная женская фигура.

Хотя общество пытается быть рациональным, оно глубоко иррационально в своем неуважении к спиритуальным силам, неотъемлемым от человеческой природы. Юнг предупреждает, что ни одно психическое значение не может исчезнуть, не будучи замененным другим, эквивалентным по интенсивности. Общество думает, что оно защищает себя, ограждаясь от Святого, но этим оно только привлекает катастрофу, потому что Святое возвращается и преследует психику неожиданными вторжениями. Мы являемся свидетелями возвращения религиозного в различных формах, некоторые из которых чрезвычайно опасны. Фрейд говорил о «возвращении репрессированного» в сексуальной сфере и видел, что это репрессированное часто возвращается в патологических формах; сегодня то же самое можно сказать о религиозных и спиритуальных феноменах.

Derrida (1998) пишет о возвращении «другого», где «другое» является всем, что отличается от рационального эго. По мнению автора, взрывная сила религиозного может прервать историю или разорвать ее на части. Если мы забываем смысл и значение жизни, смешиваем метафорические системы духовности, возникают проблемы, и психические содержания выступают против нас [6].

Сегодня мы наблюдаем рост фундаментализма; мы живем в мире, где религия и насилие постоянно соприкасаются и порою ассоциируются друг с другом. Это происходит несмотря на то, что религиозные писания всех религий проповедуют любовь, мир и сострадание.

Дух должен находить пути для своего выражения. Ему не очень подходит атмосфера постмодернистской культуры; в каком-то смысле, он предпочитает фундаменталистские элементы в связи с их малой изменчивостью, что может приводить к антисоциальным выражениям. Если спиритуальность не получает поддержки, и односторонне культивируется чистый разум, в метафорическом смысле дух питается фаст-фудом. Происходит то, что бывает при фундаментализме, который использует эрзац-питание со стандартным рационом — фаст-фудом. Объективно общество задерживает неизбежную встречу со Святым. Если спиритуальное стремление остается бессознательным и не поддерживается повседневно социумом, оно приобретает регрессивные способы выражения.

Если спиритуальным желанием не разрешается реализовать себя в обществе или открыто их анализировать, они ведут себя подобно другим полуавтономным комплексам. Они поднимаются из психического подполья и требуют пищи. Они ведут себя грубо и вульгарно, заботясь не о тонкостях самовыражения, а о способах воздействия на других. Подобно другим репрессированным содержаниям, их целью является реализация, а не тонкость и качество. В современном контексте это находит выражение в возрождении старых и появлении новых фундаменталистских культов с ригидными жесткими позициями.

Сегодня мы также встречаемся со спиритуализмом. Спиритуализм часто путают со спиритуальностью, но это различные феномены. Спиритуализм отождествляется с привидениями, астральными телами, медиумами. Его корни уходят в доисторические времена. Оживление спиритуализма произошло в конце 19-го века.

Мать Юнга находилась под сильным влиянием спиритуалистических феноменов. Докторская диссертация Юнга была посвящена этой теме, в ней он рассматривал спиритуализм как мошенничество. Спиритуализм находит выражение в популярной художественной литературе, кино, средствах массовой информации, различных средствах развлечения, к которым проявляется неустанный интерес. Импульсом, поддерживающим спиритуализм, является стоящее за ним бессознательное стремление к контакту с потусторонней жизнью, что особенно сильно проявляется у детей и подростков, которые хотят быть ведьмами и колдунами. Однако и многих взрослых интересует возможность жизни «по ту сторону», общение с умершими близкими с использованием разных приемов оккультизма.

Юнг отмечал, что в его время имел место распространенный и постоянно увеличивающийся интерес к различным видам психических феноменов, включая спиритуализм, астрологию, теозофию, парапсихологию и другие. По сравнению с ними, интерес к научной психологии был ничтожным. Современность, по словам Юнга, «очарована» наиболее патологическими проявлениями закоулков психики. Трудно объяснить, каким образом то, что ранее отвергалось, внезапно стало интересным... Страстный интерес к этим движениям, несомненно, возникает из психической энергии, которая больше не может инвестироваться в устаревшие религиозные формы [11].

Озабоченность спиритуализма властью и контролем отражает то, что он инвестирован в обычное эго, которое не особенно спиритуально и не способно активизировать воображение на других уровнях психического содержания. Спиритуализм старается привлечь к участию в его ритуалах и свою сторону как можно больше адептов. Он раскрывает себя как форма эгоцентрической активности и показывает, что будет, если нормальное эго, погруженное в зону власти и амбиций, запутывается в спиритуалистском теневом царстве. Спиритуализм является эго-версией спиритуальности, моделью мышления, направленной на создание личного удовлетворения и магического влияния на окружающий мир.

Аутентичная спиритуальность является не регрессией к магическому мышлению, а попыткой выйти за пределы эго и установить контакт с большей по объему реальностью, что приводит к трансформации и исцелению. «Спиритуальность озабочена духом жизни... который вращается вокруг всего» [Цит. по: 18].

Спиритуальность связана с любовью, дружбой, значением; она стимулирует потребность в углубленном понимании себя, своих переживаний и событий. Спиритуальность «озабочена» проблемой вечности и смерти, но не эгоистическим образом, характерным для спиритуализма. Ее сфера более универсальна и несет в себе уверенность в том, что дух не исчезает со смертью. Спиритуальность — это область не медиумов и гуру, а сфера интереса широких слоев населения и, в особенности, творческих личностей с широкими сферами самовыражения.

Спиритуальность существует как внутренняя жизнь религиозных традиций. Входя в ядро традиций, она активизирует религиозные переживания.

В повседневном употреблении термин «спиритуальность» имеет более широкое значение, чем термин «религия». В прошлом спиритуальность была ядром веры, а религия вмещала в себя спиритуальность. Сегодня они поменялись местами, и их значения, соответственно, изменились. Сегодня спиритуальность является более широким понятием, а религии рассматриваются как пути выбора внутри большего круга спиритуальности.

В настоящее время имеется большое число людей, исповедующих веру в «Бога внутри себя». До появления работ Юнга спиритуальное и религиозное были примерно равнозначны. Большинство считало спиритуальность прерогативой особенно религиозных людей, чья преданность религиозным традициям превышала таковую у среднестатистического верующего. В настоящее время усиления светских традиций не очень религиозные люди предпочитают называть себя спиритуальными.

Юнг часто использовал слова «спиритуальность» и «спиритуальное переживание», но еще более часто — «религиозный подход». Тем не менее, Юнг отделял религиозный подход от институциональной религии, которую называл «конфессиональной верой». Религиозный подход он называл «символическим» и тщательно рассматривал содержания внутренней психики, в особенности фантазий, видений, снов и совпадений. Говоря о религиозном подходе, Юнг имел в виду исходное значение религии (от латинского *religio*), а именно — связи со Святым.

Юнг (1932) писал: «Проблемы всех моих пациентов периода второй половины жизни в конечном счете имели отношение к поиску религиозного взгляда на мир. Можно с уверенностью сказать, что каждый из них заболел, потеряв то, что живые религии каждого времени давали верующим. Никто из них реально не излечился, не обретая религиозный взгляд. Это не имеет ничего общего с определенной конфессией или членством в церкви» [12].

Юнг отграничивал переживание Святого от культуральных форм, в которых Святое репрезентируется. Он критиковал не активность религиозного чувства, а религиозные институты. Современный философ Jacques Derrida (1998) так же, как и Юнг, дистанцировался от религиозных институтов. Он спрашивал: «Что такое религия? Что в настоящее время она делает сегодня в мире, и что сделано с ней? Что происходит и почему все плохо? Что скрывает это старое имя?» [6].

Derrida подчеркивает, что религия — это не то, что мы делаем, а нечто такое, что делают для нас силы вне эго. Таким образом, религия видится как глагол, обладающий великим призывом, в то время как формальная религия является существительным, которому не доверяют.

Юнг, обсуждая вопросы спиритуальности, придает значение прямому переживанию и в то же время считает его недостаточным. Прямое переживание может быть необычно сильным, но современное человечество игнорирует прошлое. На этом фоне люди без помощи религии могут не пережить встречи с бессознательными силами.

Фрейд, к сожалению, просмотрел факт того, что человек никогда не способен самостоятельно справиться со внутренними силами темноты, то есть силами бессознания. Человек всегда нуждался в спиритуальной помощи, которую давала ему религия. Раскрытие бессознания всегда означает прорыв интенсивного спиритуального страдания [12].

В этом контексте, Юнг писал, что современные мужчины и женщины опасно охвачены силами, которые ранее удерживались религиями: «Но в одном можно быть уверенным, что современный человек, протестант или другой, потерял поддержку еkkлезиастических (церковных) стен, созданных и укрепляемых со времен Римской империи и, в связи с этой потерей, приблизился к зоне разрушающего и создающего мир пламени» [16, с. 84].

Современный взгляд на этот вопрос такой. Несмотря на то, человечество освободилось от ограничений прошлого, опасность, возникающая при встрече с ними в критической ситуации, недооценивается. «Огонь» бессознания и внутриспихические силы — дикие и непредсказуемые. Работа религии заключается в защите сознания человека от опасностей контакта с ними с отнесением нас к живому Богу: «Все стремления человека были направлены на консолидацию сознания. Это было целью ритуала и догмы; всегда были дамбы и стены для блокировки опасности бессознания, опасности души. Примитивные ритуалы, соответственно, заключаются в экзорцизме духов, снятии сглаза, отвращении предзнаменования, умилоствлении, очищении и обращении к магии помогающих событий. Эти барьеры создавались в примитивные времена и в дальнейшем стали основой Церкви. Когда со временем сила символов ослабела, барьеры исчезли» [15].

Страх перед опасностями, которые могут подняться из бессознания, проникнул в западную культуру с ранних времен и стал важным фактором в конструкции религий. Религии ищут способы защитить человека, но как только общество начинает отвергать религии и становится полностью секулярным (светским), эти защитные стены рушатся.

Юнг чувствовал, что история религии является не только грузом, но и, прежде всего, поддержкой и ресурсом. Душе необходимо найти свое место в историческом аспекте, чтобы не ощущать себя без корней и предков. Раввин Abraham Heschel говорил: «Чтобы познать себя, нужно понять свое прошлое, свое наследство и религиозные традиции, из которых человек происходит. Человеческая душа рождается с прошлым» [9].

Юнг хорошо это знал. Он описывал коллективное бессознательное как «прежде всего мир прошлого» [10].

Юнг опасался за современное человечество в связи с потерей им своих корней. Мы стоим на пороге новой спиритуальной эпохи, но без основополагающих имиджей, символов, ритуалов и мифов, которые могут направлять нас в это время. На пути трансформации человеку нужны ресурсы, исторические параллели, общий язык и социальная поддержка словом и традицией. Традиции не могут спасти современного человека, он находится за их пределами.

Юнг считал религии важными хранителями архетипных энергий: «Религии являются психотерапевтическими системами в прямом смысле этого слова и в величайшем масштабе. Они выражают целый ряд психических проблем в мощных имиджах, они признают и опознают душу и в то же время раскрывают ее природу» [13].

Невзирая на то, насколько мы чувствуем себя отделенными от религиозных институций, мы не отделены от универсальной религиозной основы, на которой они зиждятся. Человек по своей природе религиозен, так как религиозна его душа, участвующая в архетипной реальности. Чем лучше мы знаем наши души, тем больше поражаемся тому, насколько мы религиозны. Только поверхностный слой современного ума — социальное сознание и личное эго — секулярен или атеистичен. Исследуя психику более глубоко, мы открываем религиозные модели, ранее недоступные для осознания.

На уровне метафоры можно представить современного человека как находящегося на пути изгнания и возвращения домой. В изгнании осознается отсутствие корней, но присутствует ожидание будущего возвращения домой. Люди уходят от традиций и от моделей прошлого. Возвращение домой — это не столько возврат в прошлое, сколько возвращение к спиритуальным глубинам нашей экзистенции. Это возврат к себе посредством самореализации и осознания. Тем не менее, когда мы движемся дальше от традиции, мы приближаемся к их исходным истокам. Когда мы глубоко познаем себя, мы движемся по направлению к «энергиям», присутствующим во всех традициях. Наше изгнание находится в стороне от форм, которые питали наших предков, и наше возвращение домой — это возврат к глубинам, которые дают нам духовность и жизнь.

Примером является Сказание о блудном сыне, евангелической фигуре, которая растратила унаследованные ценности, бросив традиции, но потом оживила традиции, вернувшись в отчий дом (Евангелие от Луки, гл. 15, стихи 11–32).

Юнг находился вне конвенциональных форм христианства; его религиозные взгляды совпадали с мистическими источниками христианства. Он хотел реконструировать религию с учетом ее мистических начал. Основные положения Юнга, критикующие современное христианство, можно обобщить следующим образом.

Христианская религия основывается на авторитете традиции, а современные люди не заботятся о традициях. Религия сможет что-то значить, если она будет базироваться, скорее, на переживании, чем на внешнем авторитете; люди хотят воспринимать религию в контексте их переживаний и при этом иметь собственные суждения. Современное общество адаптирует широкий «научный» подход к религиозным вопросам.

Христианство воспринимает свои тексты и поэтические имиджи буквально. По мнению Юнга, большинство библейских чудес является мифами, а не историческими событиями; в своем начале религия не имела такой направленности. Ее способ действий был мифологическим, но религия «забыла» об этом и стала позиционировать себя как историческую и привязанную к фактам. Причина такого «забвения» заключалась в том, что религия старалась конкурировать с наукой в качестве формы рационального знания.

Христианство провозглашает победу добра над злом, духа над материей, сознания над телом. Согласно Юнгу, этот нарратив (или поиск совершенства) устарел и более неприменим. Миф сегодня — это, скорее, целостность, чем совершенство; новый вызов — это интеграция борющихся элементов, а не победа одного архетипа над другим. Юнг верил, что христианство будет пересмотрено и станет религией целостности.

Юнг предвещал конец эры внешней веры, инвестированной в авторитет традиций, священнослужителей и текстов. Юнг осуждал экстравертированность религии, которая, по его мнению, исчерпала себя. Он надеялся придать религии внутреннюю интровертированную жизнь, в которой содержится громадный потенциал жизненной энергии. По сути, это совпадает с поиском Бога внутри.

Постулаты Юнга носили революционный характер, изменяющий привычные модели мышления. Авторитет становился прерогативой внутреннего Сэлфа, а не внешней традиции или религиозных институциональных структур. Юнг призывал к активации религиозного чувства, захватывающего сознание и всю жизнь, а не ограничивающегося воскресными ритуалами. Многим верующим христианам не нравится акцент на внутренней жизни, поскольку он имеет привкус нарциссизма и обычного эгоцентризма. Они как бы боятся и признать, и анализировать элемент Божественного в человеческой природе; они убеждены, что природе человека нельзя доверять. Речь идет о тенденции не доверять внутреннему Христу, а фокусироваться на историческом Христе.

Юнг признает реальность истории Генезиса о сотворении человека, о том, что мужчина и женщина были созданы по образу Бога, хотя божественный импринт мог потускнеть в связи с грехом неповиновения. В христианстве только личные отношения с Христом посредством церкви могут восстановить связь с Богом. В интровертированной юнговской версии отношения со Спасителем могут быть установлены с помощью внутреннего опыта и не должны быть опосредованы церковью или институцией. Юнг идет еще дальше — институция и церковь могут блокировать путь к Богу.

Юнг настаивает, что внутреннее переживание Божественного является основой живой веры, и, если институции не знают, как усилить это переживание, у них нет будущего. Юнг дифференцировал внешнюю религиозность и внутренний, идущий от сердца религиозный подход, а также понимал разницу между институцией и традицией. Институции находятся в состоянии хаоса; их многочисленные условности нарушают способность видения и объективного анализа, тогда как традициям для их выживания необходимо вернуться к своим истокам. Реформация — это точка отсчета любого

обновления. Уставшая институция может разрушить традицию, отрицая то, в чем она нуждается больше всего — новую современную встречу с Божественным. Опасной для традиций является консервативная защита институционных формальностей.

Юнг чувствовал, что западная религия почти полностью экстравертирована, она сфокусирована на внешних проявлениях, внутренний мир игнорируется. Бог находится «наверху», удален из внутренней психики, и драма отношения человека с Богом разыгрывается в исторических страстях Христа больше, чем в душе. В результате авторитет смещен из души и передан в руки священников, епископов и церковных чиновников, которые стали для нас единственными арбитрами в отношениях с бесконечным. Полномочия души были потеряны и отданы церковным представителям.

Юнг считал, что экстернализация заблокировала дорогу к Богу внутри. Религия имела «религиозную формулу для всего психического, и в таких условиях отсутствовала необходимость открывать бессознание. Когда религия удерживает все наши психические содержания, психика находится вовне, то нет ни психических проблем, ни бессознательного» [16, с. 149].

Дух и душа находятся в космической системе, и религиозная драма переживается человеком как внешняя, относящаяся к метафизике и истории. В такой системе психика недооценивается. Юнг писал, что «религия говорит о бессмертной душе, но не находит добрых слов о человеческой психике как таковой» [Там же. С. 28].

Если психика только психологична, мы игнорируем ее святые потенциалы. Называя душу психикой, мы недооцениваем ее и не уважаем ее религиозного значения. Потому во многих своих эссе Юнг избегает научно звучащего термина «психика» и заменяет его «душой». При этом он не имеет в виду душу в теологическом смысле как субстанцию, которая переживает тело и уходит на небо (или в чистилище, или в ад) после смерти. Его концепция души в большей степени связана с греческой философией. Идея Юнга о душе имеет отношение к вечности, но его интересует душа как феномен настоящей жизни, а не после смерти. Данную концепцию поддерживал и развивал в своих собственных рассуждениях James Hillman [9].

Если душа существует, как верят Юнг и Хиллман, мы обладаем богатством в жизни и в каждодневной активности. Это значит, что жизнь имеет такую большую ценность и значение, которую не может допустить светское сознание. Это значит, что ценности религии и мифологии внедрены в личность, а не прикованы к ритуалам, церемониям и не переданы религиозным авторитетам. Наоборот, смысл ритуалов и церемоний в том, чтобы извлечь уже присутствующее, по крайней мере, в потенциальной форме. Трудности светского опыта и отчуждение от традиций, по-видимому, предрасполагают нас к переживанию внутренних богатств, которые ранее игнорировались традициями. Сила работ Юнга состоит в том, что они помогают увидеть экстраординарные качества обычной жизни и раскрывают широту переживаний, скрытых и недостижимых в течение длительного времени.

За недооценкой души прячется страх неполноценности. Человек обычно боится того, что кажется ему непреодолимым [16, с. 28]. Юнг чувствовал, что христианская фиксация на внешнем Боге и Спасителе не только является результатом преклонения, но и связана со страхом перед внутренними Объектами, которые их олицетворяют. Церковные стены защиты, которые он хвалит в некоторых из своих работ, становятся толстыми и непроницаемыми, мешающими прикосновению к Божественному. Мы боимся внутренних содержаний и хотим поместить всю религиозную жизнь во внешнее пространство. Религия фиксировалась на логосе и рассматривала Бога как персонификацию разума. Вне Божественного Света внутренний мир хаотичен, темен и связан с первородным грехом. Идея о Божественном Свете, сияющем в этой темноте, поддерживалась мистиками.

Юнг считал, что жизнь человека состоит из взаимодействия противоположностей, ищущих своего единства в психике. Индивидуация является движением к внутренней

целостности в противоположность внутренней фрагментированности. Он полагал, что религия помогает человеку испытать оцутить чувство целостности, которым он обладал в детстве и которое потерял при взрослении. Это чувство появляется в процессе индивидуации — постепенном движении на пути к самореализации [1; 2; 17].

Юнг относился к религии как к помощнику в обретении внутренней целостности и рассматривал воцерковление пациента как эффективный результат психотерапии.

Литература

1. Буравцова Н.В., Дмитриева Н.В. Психокоррекция духовной сферы личности посредством проективных методов // Мир науки, культуры, образования. – 2015. – № 4(53). – С. 206–208.
2. Короленко Ц.П., Дмитриева Н.В. Религиозная аддикция // Вестник Ишимского гос. пед. института им. П.П. Ершова. – 2013. – № 5(11). – С. 128–134.
3. Anderson D.A. Spirituality and system therapy: Partners in clinical practice // Journal of Pastoral Psychotherapy. – 1987. – Vol. 1, № 1. – P. 19–32.
4. Benner D.G. Towards a psychology of spirituality: Implications for personality and psychotherapy // Journal of Psychology and Christianity. – 1989. – Vol. 8, № 1. – P. 19–30.
5. Berenson D. A systemic view of spirituality: god and twelve step programs as resources in family therapy // Journal of Strategic and Systemic Therapies. – 1990. – Vol. 9, № 1. – P. 59–70.
6. Derrida J. Faith and Knowledge: The Two Sources of 'Religion' at the Limits of Reason Alone // Religion / edit by J. Derrida, G. Vattimo. – Stanford, CA: Stanford University Press, 1998. – P. 1–78.
7. Goswami A. The Self-Aware Universe: How Consciousness Creates the Material World. – New York: Tarcher/Putnam, 1950. – 448 p.
8. Heschel A. Quotes // Western Spirituality: Historical Roots, Ecumenical Routes / ed. by M. Fox. – Santa Fe, NM: Bear Company, 1981. – P. 1.
9. Hillman J. Re-Visioning Psychology. – Oxford: Harper & Row, 1975. – 304 p.
10. Jung C.G. The Role of the Unconscious (1918) // Jung C.G. Collected Works of C. G. Jung. Vol. 10. Civilization in Transition. – London: Routledge & Kegan Paul, 1967. – P. 20.
11. Jung C.G. The Spiritual Problem of Modern Man (1928/1931) // Jung C.G. Collected Works of C. G. Jung. Vol. 10. Civilization in Transition. – London: Routledge & Kegan Paul, 1967. – P. 148–196.
12. Jung C.G. Psychotherapist or Clergy (1932) // Jung C.G. Collected Works of C. G. Jung. Vol. 10. Civilization in Transition. – London: Routledge & Kegan Paul, 1967. – P. 509.
13. Jung C.G. The State of Psychotherapy Today (1934) // Jung C.G. Collected Works of C. G. Jung. Vol. 10. Civilization in Transition. – London: Routledge & Kegan Paul, 1967. – P. 367.
14. Jung C.G. Psychological Aspects of the Mother Archetype (1934/1954) // Jung C.G. Collected Works of C. G. Jung. Vol. 9, Part I. The Archetypes and the Collective Unconscious. – London: Routledge & Kegan Paul, 1967. – P. 47–48.
15. Jung C.G. Psychology and Religion (1938) // Jung C.G. Collected Works of C. G. Jung. Vol. 11. Psychology and Religion: West and East. – London: Routledge & Kegan Paul, 1967. – P. 28; 84; 149.
16. Kohut H. How does analysis cure? – Chicago: University of Chicago Press, 1984. – 254 p.
17. Tacey D. The Darkening Spirit, Jung, Spirituality, Religion. – London and New York: Routledge, 2013. – 182 p.
18. Wordsworth W. The Ruined Cottage // The Norton Anthology of Poetry / ed. by M. Ferguson, M. Salter, J. Stallworthy. – 5th ed. – New York: W. W. Norton & Company, 2005. – P. 768.

Archetype determinants of spirituality

Korolenko Ts.P.¹

E-mail: lengyel34@mail.ru

Dmitrieva N.V.^{2, 3, 4}

E-mail: dnv2@mail.ru

¹ Novosibirsk State Medical University
Krasny Prospect 52, Novosibirsk, 630091, Russia
Phone: +7 (383) 222-32-04

² Eastern European Institute of Psychoanalysis
Bolshoy prospectus PS, 18A, St. Petersburg, 197198, Russia
Phone: +7 (812) 235-11-39

³ Saint Petersburg State Institute of Psychology and Social Work
13A, 12 liniya, Vasilievsky Island, St. Petersburg, 199178, Russia
Phone: +7 (812) 321-96-16

⁴ Novosibirsk Institute of Clinical Psychology
Pisareva, 4, Novosibirsk, 630091, Russia
Phone: +7 (383) 291-55-27

Abstract. Archetypes are considered as the roots of spirituality. Their energetic influence on the human psyche has instinctive origin and leads to the development of mental states that can be understood and defined in the frame of the concept of idealizing transference. As one of the three fundamental needs (self object transferences according to Kohut, 1984) that are necessary for formation a cohesive solid sense of self. Idealizing transference is expressed in the need to be connected to a greater, ideal reality, to the need to experience merge with goodness, strength, and calmness. The idealizing transference is never outgrown but remain throughout all life, existing from the moment of the birth to the moment of death. In this article the spirituality is distinguished from religion; their similarities and differences are single out. Religion is born of awareness of the transcendent together with expression of that awareness in conceptual, cultural and social forms. Religion is about a shared believe system (dogma) and communal ritual practice (liturgy). Spirituality connotes a direct, personal experience of the sacred unmediated by believe system prescribed by dogma or by hierarchical structures of priests, ministers, rabbis or gurus (Berenson, 1990). Spirituality is about the search for meaning of the "human capacity to experience and relate to dimension of power and meaning transcendent to world of sensory reality" (Anderson, 1987). "Not all spirituality is religious, and not all religious spirituality is Christian" (Benner, 1989). All persons are spiritual beings and have archetype sources of it.

Key words: spirituality; religiosity; archetypal sources of spirituality.

For citation

Korolenko Ts.P., Dmitrieva N.V. Archetype determinants of spirituality. *Med. psihol. Ross.*, 2018, vol. 10, no. 3, p. 3. doi: 10.24411/2219-8245-2018-13030 [in Russian, abstract in English].